

Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан

Д. Н. Коваленко

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032217393@rudn.ru*

К. Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2771-1817, rakhimov-kkh@rudn.ru*

Аннотация. Международный терроризм является одной из главных проблем современности, который препятствует международному сотрудничеству, способствует подрыву демократических основ любого государства. В настоящее время уйгурские сепаратисты, радикальная оппозиция в Таджикистане, вносят дисбаланс в нормальное функционирование Республики. На сегодняшний момент только совместная деятельность, разработка и развитие организационной структуры Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также сотрудничество с международными организациями (ООН, ШОС, СНГ, СВМД, ОБСЕ, ЕС и НАТО), совместные форумы и активная разработка совместных программ могут обеспечить быстрое и своевременное реагирование на новые вызовы и угрозы. Предотвращение финансирования терроризма также является одним из ключей к решению этой проблемы. Таджикистан, рассматривая борьбу против терроризма как важнейшую задачу обеспечения своей национальной, региональной и мировой безопасности, будет стремиться к дальнейшему укреплению международного сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, террористические группировки, ИГИЛ, безопасность, Таджикистан.

Для цитирования: Коваленко Д. Н., Рахимов К. Х. Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2022;6(5):592-600.

The problem of terrorism and the peculiarities of its manifestation on the example of the Republic of Tajikistan

Diana N. Kovalenko

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
1032217393@rudn.ru*

Komron H. Rakhimov

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Post-Soviet Countries Research Center (CISC), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2771-1817, rakhimov-kkh@rudn.ru*

Abstract. International terrorism is one of the main problems of our time, which hinders international cooperation and contributes to undermining the democratic foundations of any State. Currently, Uighur separatists, the radical opposition in Tajikistan, are causing an imbalance in the normal functioning of the Republic. Now, only joint activities, development and development of the organizational structure of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as cooperation with international organizations (UN, SCO, CIS, CICA, OSCE, EU and NATO), joint forums and active development of joint programs can ensure a quick and timely response to new challenges and threats. Preventing the financing of terrorism is also one of the keys to solving this

problem. Tajikistan, considering the fight against terrorism as the most important task of ensuring its national, regional and global security, will strive to further strengthen international cooperation in this direction.

Keywords: extremism, terrorism, terrorist groups, ISIL, security, Tajikistan.

For citation: Diana N. Kovalenko., Komron H. Rakhimov. The problem of terrorism and the peculiarities of its manifestation on the example of the Republic of Tajikistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;6(5):592-600 (In Russ.).

Истоки возникновения терроризма в Республике Таджикистан.

Таджикистан – страна, не имеющая выхода к морю, граничащая с Китаем, Узбекистаном, Кыргызстаном и, прежде всего, с Афганистаном, что делает страну уязвимой для распространения террористической деятельности, что заметно тревожит ее соседей. Хотя Таджикистан был относительно свободен от крупномасштабных экстремистских атак, страна является вторым по величине экспортером иностранных боевиков в Ирак и Сирию в регионе Центральной Азии, по причине неправильного управления центральным правительством социальными, экономическими и политическими делами страны [Чикризова, Шумакова 2020: 78–82]. На данный момент зона постсоветского пространства отличается высоким конфликтным потенциалом, угрозой троллируемого распространения оружия массового уничтожения, с высоким риском его попадания в руки радикальных группировок [Курылев, Савичева 2013: 7].

Вскоре после провозглашения Таджикистаном независимости от Советского Союза в сентябре 1991 года, в стране быстро началась гражданская война, продолжавшаяся с 1992 по 1997 год. Конфликт между правительством, поддерживаемым российскими войсками, и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), состоящей из коалиции демократических, исламских и местных этнических групп, привел к гибели более 157 000 человек и депортации более 1,5 миллионов человек. В разгар войны в 1992 году Эмомали Рахмон был избран президентом и с тех пор правит страной. Кризис и проблемы между администрацией Э. Рахмона и религиозной оппозицией продолжает тревожить страну, поскольку

администрация не заинтересована в любых публичных проявлениях религиозности. Правительство ввело жесткие ограничения на выражение религиозного мнения и осуществляет жесткий контроль над мечетями и имамами в стране, где большинство населения составляют мусульмане. Подконтрольные правительству Совет улемов и Государственный комитет по делам религии назначают всех имамов и священнослужителей и определяют, где и когда могут быть открыты мечети. Кроме того, в стране введена утвержденная государством версия ислама, которая предусматривает бритье бороды, запрет на ношение хиджаба и возрастные ограничения в отношении тех, кто может посещать мечеть или совершать хадж. Кроме того, Э. Рахмон продолжает закрывать медресе, а также приказывает вернуть граждан Таджикистана, обучающихся за рубежом в исламских учебных заведениях, полагая, что религиозные учебные заведения идеализируют экстремистскую деятельность. Несмотря на репрессии в отношении религиозного образования, правительство пока не приложило никаких усилий для создания альтернативных учебных заведений для населения школьного возраста. По мнению Мухаммадрахима Абдуманнонова, эксперта по социальным вопросам из Худжанда, предотвращение преподавания ислама может лишить молодые группы населения возможности изучать этические нормы морали и нравственности и потенциально сделать их более уязвимыми для вербовки экстремистами. Политика Душанбе в отношении религиозных традиций и одежды проистекает из того, что центральное правительство смешивает религиозность и "внешние признаки радикализма". Под прикрытием национальной безопасности

администрация Э. Рахмона использовала регулирование религиозного самовыражения как способ усиления государственного контроля над общественными делами и пространствами [Акинер 2002: 360].

Террористические группировки на территории Республики Таджикистан.

Террористические группировки в Таджикистане активизировались после распада СССР в 1992 году. Начиная с этого периода и до 1994 года терроризм вёл свою деятельность на фоне гражданской войны и являлся одним из основных способов уничтожения политических врагов. После начала мирного переговорного процесса в 1994 году, терроризм носил более провокационный характер, способствующий дестабилизации политических процессов и обострению конфликтов. Излюбленным арсеналом террористкой деятельности являются вооружённые налёты, взрывы, похищения с целью выкупа и тому подобное. Под основные мишени террористов попадают таджикостанские политические деятели (высокопоставленные чиновники, депутаты парламента и местных органов власти, известные политики, а также общественные деятели и профессионалы в какой-либо области, пользующиеся авторитетом в Таджикистане), российские военнослужащие и пограничники, иностранцы (представители международных организаций, журналисты, инженеры).

В 1994–1996 гг. были убиты экс-президент Таджикистана Мухаммад Осими, ректор педагогического института Исхаки, журналист Олимпур и прочие знаменитые деятели. Образованию терроризма в стране способствовали эмиссары из стран Ближнего Востока, наводнившие страну в 1992 г. Агенты различных фундаменталистских организаций из Судана, Афганистана, Саудовской Аравии обучали боевиков исламской оппозиции методам ведения диверсионной войны, и много раз сами становились главной ударной силой вооружённых подразделений. Террористы в Таджикистане не подчиняются единому центру, а деятельность их зачастую носит криминальный характер. Наиболее известна террористическая группа Резвона Садирова. В декабре 1997 группировка Садирова

похитила двух граждан из Франции, прибывших в Таджикистан с гуманитарной миссией. Это стала последней в истории организации: Садиров был пойман и убит, также уничтожены или арестованы около 50 членов его банды.

После окончания гражданской войны в Таджикистане в 1997 году было подписано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия, которое обеспечивает мир и безопасность, свободные и справедливые выборы, многопартийную систему и свободу слова с независимыми СМИ. Хотя администрация Э. Рахмона одобряет антиисламскую политику, Таджикистан был единственной страной в Центральной Азии, в которой исламистской политической партии было разрешено действовать на законных основаниях. Однако в 2015 году Партия исламского возрождения Таджикистана (далее - ПИВТ) потеряла представительство в правительстве, поскольку не смогла выполнить квоты по членству. Затем партия была включена в список террористических организаций после того, как правительство заявило, что политическая партия причастна к организации антиправительственного восстания, которое привело к двум терактам в Вахдате и Душанбе. В 2019 году Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) включила Таджикистан в список "стран, вызывающих особое беспокойство" в соответствии с Законом о международной религиозной свободе от 1998 года.

Учитывая, что соседние страны Таджикистана сталкиваются с повышенным уровнем экстремистской активности и вербовки, в частности с Аль-Каидой в Афганистане, Душанбе принял Закон о борьбе с терроризмом в 1999 году, и с тех пор внес ряд поправок, включая одну в 2017 году. Однако центральное правительство использует усилия по борьбе с терроризмом как способ дальнейшего подавления политической оппозиции и социального инакомыслия. Резкое ограничение свободы вероисповедания побудило некоторых граждан искать альтернативное представительство в лице экстремистских организаций, чтобы противостоять

нынешней администрации. Кроме того, в Таджикистане процветает безработица, 29,5 процента населения живет в бедности, а 14 процентов - в крайней бедности, и эта реальность учитывается в стратегии вербовки экстремистов. Учитывая, что большое количество таджиков переезжает в Россию в поисках возможностей трудоустройства, большая часть вербовки происходит в России, где таджики работают в качестве трудовых мигрантов. Отсутствие социально-экономических возможностей в сочетании с репрессивной политической средой сделали страну и ее граждан симптоматичными для вербовки экстремистов.

В Центральной Азии Таджикистан занимает второе место по числу иностранных боевиков на душу населения: более 1300 таджиков выехали за границу, чтобы присоединиться к экстремистским организациям в Ираке и Сирии. Учитывая легкость перемещения незаконной деятельности в регионе Центральной Азии по причине несоблюдения границ, вполне возможно, что радикально настроенные таджики могут способствовать укреплению экстремистских ячеек как на внутренней, так и на международной почве.

Экстремистские настроения и принадлежность к экстремистам более вероятны среди трудовых мигрантов: более 85% таджикских боевиков в Ираке и Сирии были трудовыми мигрантами в России. Ввиду отсутствия возможностей трудоустройства в Таджикистане таджики часто мигрируют в Россию в поисках работы. После переселения некоторые сталкиваются с расизмом, что экстремисты используют в целях вербовки. Вербовщики ИГИЛ часто выбирают социально изолированных людей или тех, кто пережил определенную травму и ищет поддержку в обществе.

Более 1300 таджиков в настоящее время воюют в Ираке и Сирии, а Таджикистан занимает первое место в мире по экспорту террористов-смертников в ИГИЛ. Есть подозрение, что таджиков выбирают в качестве смертников, поскольку Гулмурод Халимов, высший авторитет ИГИЛ, был гражданином Таджикистана. Халимов,

получивший образование в США, бывший глава элитных сил безопасности Таджикистана, перешел на сторону ИГИЛ в 2015 году, где его быстро назначили военным министром, после чего он стал мишенью и погиб в результате авиаудара в Мосуле в апреле 2017 года. Перебежка Халимова представляла угрозу безопасности Таджикистана, но также продемонстрировала риск для международных игроков, связанный с предоставлением неограниченной помощи США в области безопасности несостоятельным государствам.

Нападение на семерых велосипедистов в июле 2018 года в Дангаре стало первым нападением, спонсируемым ИГИЛ в Таджикистане, которое привлекло международное внимание. Информационное агентство Атаф, принадлежащее ИГИЛ, заявило, что нападавшие были "боевиками Исламского государства". Таджикские службы безопасности подозревали четырех человек в нападении, задержали предполагаемого лидера террористической ячейки Хусейна Абдусаматова, арестовали пять человек за неуведомление властей о возможном преступлении и приказали 20 таджикским рабочим-мигрантам в России вернуться домой для допроса. Хотя ИГИЛ утверждало, что действует в Таджикистане уже довольно давно, нападения, о которых они заявляли, часто были делом рук людей, не связанных с этой организацией. Это нападение стало первым, о котором группировка заявила публично и которое было подтверждено официальными источниками.

В течение последних лет ИГИЛ изменило свой стиль атак и проникло даже в тюремную систему, подстрекая членов группировки к беспорядкам со смертельным исходом. Два тюремных бунта в ноябре 2018 года и мае 2019 года привели к гибели более 50 человек. Однако власти Таджикистана не совсем точно предоставили информацию об обоих происшествиях. Это вызвало разбирательство о том, было ли центральное правительство причастно к бунту, поскольку четверо из убитых заключенных были бывшими членами ИРПТ и один из них

священнослужителем, который открыто выступал против правительства [Косиченко 2002: 213].

Кроме того, таджикские члены ИГИЛ на протяжении многих лет разрабатывали планы по совершению нападений по всей Европе. В феврале 2018 года российский суд приговорил шестерых граждан Таджикистана, к тюремному заключению сроком от 12 до 16 лет. Шестеро обвиняемых планировали взорвать микроавтобус под Москвой в 2016 году. Также в феврале 2018 года стало известно, что Рахмат Акилов - гражданин Узбекистана, угнавший грузовик и въехавший в толпу людей в Стокгольме в 2017 году, - по имеющимся данным, поддерживал контакты с таджикскими членами ИГИЛ.

Основанная в 1990 году, Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) стала преемницей исламистского крыла оппозиционного блока, который боролся против правительства Э. Рахмона во время гражданской войны. После войны ПИВТ была единственной оппозиционной партией страны и насчитывала более 40 000 сторонников. Партия выступала за демократическое правительство и одобряла обязательное изучение исламского образования и традиций во всем гражданском обществе. Несмотря на то, что ПИВТ была единственной юридически признанной исламистской партией в Центральной Азии, в 2015 году она потеряла представительство и была включена в список террористических организаций. Правительство утверждало, что эта политическая партия причастна к организации антиправительственного восстания, которое привело к двум нападениям на службы безопасности в Душанбе и полицейский участок в Вахдате в сентябре 2015 года. Обвинения в том, что ПИВТ стояла за неудавшимся переворотом 2015 года, так и не были доказаны, но Высший суд Таджикистана запретил партию на основании невыполнения квот членства после выборов 2015 года. Выборы были сфальсифицированы, поскольку

наблюдатели зафиксировали ряд нарушений в день выборов, включая многократное голосование и вброс бюллетеней¹. В период своего расцвета ПИВТ располагала 30 процентами правительственных должностей, а к концу своего правления ПИВТ имела только два места в 63-местной нижней палате парламента. Учитывая их постоянную поддержку со стороны населения, они считались достаточной угрозой для администрации Э. Рахмона.

Несмотря на Общее соглашение об установлении мира и национального согласия, которое гарантировало многопартийную систему, члены ПИВТ часто подвергались преследованиям со стороны членов правящей партии по подозрению в том, что они выступают за экстремистскую деятельность и поддерживают ее. По данным Международной кризисной группы, службы безопасности часто смешивали ИГИЛ и ПИВТ и даже утверждали, что около 500 таджикских боевиков в Ираке или Сирии были бывшими членами ПИВТ. 2 августа 2018 года 14 членов ПИВТ были приговорены к срокам от семи до 26 лет после заявления правительства о том, что эти члены прошли подготовку в Афганистане вместе с ИГИЛ и планировали взорвать стратегически важные объекты и иностранные дипломатические представительства в Душанбе. Весь судебный процесс проходил в обстановке строгой секретности, что не позволило правозащитным группам проверить достоверность версии государства в отношении обвиняемых [Черняев, Трусова 2020: 150–163].

Событие, способствовавшее угасанию ПИВТ, произошло 4 сентября 2015 года, когда заместитель министра обороны генерал Абдухалим Назарзода предпринял попытку свержения правительства. Назарзода вместе со 130 сторонниками спровоцировал два нападения на полицейские посты в Душанбе и Вахдате. В результате нападений погибло более 35 человек, при этом высокопоставленные

¹ Халитов М. Таджикистан - внутренние предпосылки, внешние угрозы, противодействие //

URL:<http://centrasia.ru/newsA.php?st=1381317480> (дата обращения: 09.06.2022).

правительственные чиновники заявили, что Назарзода действовал по указанию ПИВТ. Назарзоде удалось скрыться с места преступления, но через две недели он был убит в ходе контрповстанческой операции. Сообщается, что Назарзода спровоцировал конфликт после слухов о том, что Э. Рахмон планирует уволить его за "совершение преступления" и "сторонника Исламского государства". Э. Рахмон также поспешил обвинить ПИВТ в нападениях, поскольку Назарзода был бывшим командиром этой партии во время гражданской войны. Однако Назарзода отошел от ПИВТ после своего назначения в вооруженные силы. Двенадцать руководителей ПИВТ были арестованы за предполагаемую причастность, хотя правительство так и не смогло обосновать обвинения. 2 июня 2016 года Верховный суд приговорил 12 лидеров ПИВТ к срокам от 14 лет до пожизненного заключения.

Политика противодействия терроризма в Республике Таджикистан.

Следует отметить, что Таджикистан активно принимал ряд законов о борьбе с терроризмом. В 1999 году был принят Закон о борьбе с терроризмом, а в 2003 году - Закон о борьбе с экстремизмом. Однако эти законы содержали нечеткую терминологию, которая администрация Э. Рахмона использовала для активного подавления своей оппозиции: журналистов, политиков и представителей мирных религиозных организаций. Согласно закону, любое лицо или группа лиц, подозреваемые в «подрыве конституционного строя в стране», могут быть подвергнуты аресту. В 2006 году президент Э. Рахмон издал указ о введении "Единой концепции Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом". В указе была фраза "терроризм и другие формы экстремистских проявлений", но не уточнялось значение ни "экстремизма", ни "терроризма".

В 2015 году были внесены изменения в Закон о борьбе с терроризмом. Поправки разрешают блокировать интернет и телекоммуникационные системы во время

"контртеррористических операций". В июле 2017 года правительство также приняло законы о цензуре, которые резко ограничили свободу слова и доступ к информации. Новое законодательство наделяет полицию и службы безопасности новыми полномочиями по получению информации об интернет-сайтах, посещаемых отдельными лицами. Поскольку в Таджикистане более 1,5 млн пользователей Интернета, закон был предложен, так как некоторые чиновники утверждали, что более 80% пользователей Интернета посещают сайты с экстремистской пропагандой и контентом. Новый закон, по сути, предоставляет полиции и службам безопасности право допрашивать или арестовывать граждан просто за "лайки" или просмотр контента, содержащего экстремистскую деятельность¹.

Государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ) и Министерство внутренних дел (МВД) являются основными органами по борьбе с терроризмом в Таджикистане. ГКНБ и МВД прошли обучение, оба ведомства оснащены специальными тактическими подразделениями, которые занимаются стратегией борьбы с терроризмом. Однако, по мнению Международной кризисной группы, маловероятно, что подразделение Таджикистана по борьбе с повстанцами, в котором служат около 30 солдат, сможет эффективно нейтрализовать экстремистские силы.

Таджикистан охотно принимал у себя различные международные встречи высокого уровня по противодействию насильственному экстремизму и предотвращению насильственного экстремизма. В июне 2016 года Душанбе принимал "Совещание экспертов высокого уровня ПРООН по разработке решений в области развития для предотвращения насильственного экстремизма". Кроме того, Исполнительный директорат по борьбе с терроризмом ООН провел шестидневный оценочный визит в Таджикистан в феврале

¹ Набиева Д. Таджикистан пытается предотвратить терроризм // URL: <http://centralasiaonline.com> (Дата обращения: 09.06.2022).

2017 года, а также провел международную конференцию высокого уровня по противодействию терроризму и профилактике насильственного экстремизма в мае 2018 года. В ходе каждого мероприятия обсуждались вопросы законодательства и судебной практики, противодействия финансированию терроризма, правоохранительной деятельности, пограничного контроля, международного сотрудничества, противодействия насильственному экстремизму, ведущему к терроризму, а также необходимости принятия мер по борьбе с терроризмом на основе верховенства закона.

Таджикистан при поддержке Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в конце 2016 года опубликовал "Национальную стратегию по противодействию экстремизму и терроризму Республики Таджикистан". Стратегия направлена на борьбу с радикализацией и насилием как через национальные, так и местные правительственные каналы. Правительство также реализует спонсируемые США программы по охране общественного порядка, а представители Совета улемов Таджикистана встречаются с мигрантами в России, чтобы объяснить опасность радикализации среди таджикских мигрантов. Большая часть стратегии направлена на повышение устойчивости общества и экономических возможностей для таджиков.

Таджикистан также предпринял усилия по усилению антитеррористического реагирования и региональной безопасности посредством участия в

межправительственных союзах безопасности, таких как Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество независимых государств и Шанхайская организация сотрудничества и др. Кроме того, Москва и Пекин усилили свое присутствие в регионе, учитывая возросшую террористическую угрозу в Таджикистане. Сообщается, что для защиты своих экономических интересов и интересов безопасности в регионе Центральной Азии Китай создал военную базу вблизи Мургаба, а в мае 2017 года Россия совместно с Таджикистаном приняла участие в различных антитеррористических военных учениях и сеансах обмена информацией, которые спонсировались Антитеррористическим центром Содружества Независимых Государств. Москва также предоставила Таджикистану значительную военную помощь для защиты границы, ссылаясь на растущее присутствие ИГИЛ в провинции Хорасан в Афганистане.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что угроза терроризма все еще продолжает оставаться острой проблемой в Республике Таджикистан. Руководство страны прикладывает все меры для борьбы с терроризмом, как на территории государства, так и за рубежом в рамках организаций по безопасности. Следует отметить, что правительство адекватно оценивает угрозу. Активно предпринимаются действия по ограничению возвращения граждан страны, которые причастны к террористическим актам за границей в силу вероятности, что они могут создать группировки на территории Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акинер Ш.* Религиозный экстремизм в Центральной Азии // Материалы межд. конф. Душанбе, 2002. - 360 с.
- Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О.* Проблема терроризма в Таджикистане. Постсоветские исследования. 2021;4(5):440–447.
- Бабаин А.* Проблема радикального ислама в Центральной Азии // Современное право, 2014. № 6. С. 97–102.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.479-486.
- Искандарзода Б.Д.* Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 1. С. 30–38.
- Косиченко А.Г.* Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии / Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 213 с.

- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для студентов направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / Москва, 2013. (Издание 3-е, переработанное и дополненное).
- Майтдинова Г.* Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 9–16.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390–1401.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.
- Трусова А.А., Черняев М.С.* Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.470-478.
- Черняев М.С., Трусова А.А.* Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 150–163.
- Чикризова О.С., Шумакова А.А.* Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2020. – Т.3. - No4. – С. 78–82.
- Шаринов А.Н.* Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 7. С. 1503–1510.
- Яшлавский А.Э.* Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 632–642.

REFERENCES

- Akiner Sh.* Religious extremism in Central Asia // Materials of the international conference. Dushanbe, 2002. - 360 p.
- Bilan A.K., Grishina N.R., Radzion A.O.* The problem of terrorism in Tajikistan. Post-Soviet studies. 2021;4(5):440–447
- Babain A.* The Problem of radical Islam in Central Asia // Modern Law, 2014. No. 6. pp. 97-102.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorism in Central Asia (Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Post-Soviet Studies. Vol.3. No. 6 (2020). pp.479-486.
- Iskandarzoda B.D.* Foreign policy factors and the settlement of the civil conflict in Tajikistan // Post-Soviet studies. – 2022. – Vol. 5. – No. 1. pp. 30-38.
- Kosichenko A.G.* Modern terrorism: a view from Central Asia / Almaty: Dyke Press, 2002. 213 p.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Commonwealth of Independent States // Educational and methodical manual for students of the areas of training "International relations", "Political Science", "History" / Moscow, 2013. (3rd edition, revised and expanded).
- Maitdinova G.* Tajikistan in geopolitical trends at the beginning of the third decade of the XXI century. // Post-Soviet studies. 2021. Vol. 4. No. 1. pp. 9-16.
- Rakhimov K.H.* International legal bases of cooperation of the Republic of Tajikistan with the SCO in the field of security and stability in a multipolar world // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. No. 6. pp. 1390-1401
- Rakhimov K.H.* Shanghai Cooperation Organization in the system of ensuring Eurasian regional, international and global security (international legal dimension) // Post-Soviet studies. 2020. – Volume 3. No. 2. pp.124-135.
- Trusova A.A., Chernyaev M.S.* The threat of terrorism in Central Asia: prerequisites, directions, problems of regional security // Post-Soviet Studies. Vol.3. No. 6 (2020). pp.470-478.
- Chernyaev M.S., Trusova A.A.* The threat of terrorism in Central Asia: prerequisites, directions, problems of regional security // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. No. 6. pp. 150-163.

Chikrizova O.S., Shumakova A.A. The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization of Central Asia // *Post-Soviet Studies*, 2020. – Vol.3. - No4. – pp. 78-82.

Sharipov A.N. The main stages of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan // *Post-Soviet studies*. 2019. Vol. 2. No. 7. pp. 1503-1510.

Yashlavsky A.E. Myths and reality of terrorism of "loners" in the context of Islamist extremism // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 4. pp. 632-642.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коваленко Диана Николаевна, Diana Nikolaevna Kovalenko, master's degree in International Relations RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: 1032217393@rudn.ru

Рахимов Комрон Хакимджонович, Komron Khakimdzhonovich Rakhimov, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN. Moscow, Russia. E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru